

М. В. Панов как социолог языка

Автор: Л. П. КРЫСИН

Вопрос о роли Михаила Викторовича Панова в развитии отечественной и мировой социолингвистики (то есть лингвистики, использующей исследовательский и методический аппарат социологии) заслуживает глубокого и детального рассмотрения. Здесь я хочу наметить лишь некоторые, с моей точки зрения, ключевые моменты, характеризующие эту сторону многогранной научной деятельности Панова.

Имя Панова как исследователя русского языка под социальным углом зрения заслуженно продолжает ряд имен таких знаменитых отечественных ученых, стоявших у истоков социальной лингвистики, как И. Бодуэн-де Куртенэ, Е. Поливанов, М. Бахтин, Л. Якубинский, В. Жирмунский, В. Виноградов, Г. Винокур и другие. В его работах мы находим не только развитие идей предшественников (прежде всего, Бодуэна и Поливанова), но и несомненное новаторство в осмыслении языковых фактов в их связи с социальными процессами и отношениями. Это новаторство проявилось в двух основных направлениях - в истолковании изменений, которые претерпел русский язык в XX в., и в разработке методики изучения современной речи, ее "социальной паспортизации".

Что же нового внес Панов в диахроническую и синхроническую интерпретацию языковых явлений? При ответе на этот вопрос надо прежде всего обратиться к разработанной Михаилом Викторовичем **теории антиномий** (то есть постоянно действующих противоречий - движущих механизмов языковой эволюции), примененной им при описании развития русского языка послереволюционного периода - в его статьях начала 1960-х гг. (см., например, [Панов 1962; 1963]) и в ставшей широко известной не только в лингвистических кругах четырехтомной коллективной монографии "Русский язык и советское общество" (1968)¹. Пожалуй, впервые в отечественной социолингвистике с помощью этой теории были вскрыты *механизмы* языковой эволюции и показана социальная обусловленность действия таких антиномий, как антиномии кода и текста, системы и нормы, говорящего и слушающего, антиномия двух функций языка - информационной и экспрессивной. Коротко каждую из этих антиномий можно охарактеризовать следующим образом.

1. Под кодом понимается набор средств, которыми располагает язык; если набор этих средств ограничен, то для того, чтобы выразить какой-либо смысл, бывает недостаточно употребить только один знак - необходимы определенные комбинации знаков

¹ Надо заметить, что несмотря на явно выраженную "советскость" самого названия монографии, в этом фундаментальном исследовании нет и намека на какие-либо конъюнктурные моменты, связанные с 50-летием советской власти (официально, по заданию Президиума АН СССР, который курировал работу, она приурочивалась именно к этому юбилею; о "высоком" внимании к работе свидетельствует и тот факт, что хотя и с некоторым опозданием, но в небывалом для тогдашнего издательства "Наука" темпе в течение одного года были изданы сразу четыре тома монографии).

К р ы с и н Леонид Петрович - доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

этого набора: чем меньше набор (код), тем длиннее текст (комбинации знаков набора), и, напротив, чем больше набор (код), тем короче текст.

2. Система языка понимается как совокупность возможностей, которые язык предоставляет говорящим на этом языке для выражения тех или иных смыслов; однако в реальной речевой деятельности, которая регулируется определенными нормами, реализуются далеко не все из этих возможностей: норма фильтрует то, что предоставляет ей система; антиномия заключается в том, что система "разрешает" гораздо больше из того, что норма "одобряет".

3. В процессе речевой деятельности человек исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и слушающего² не совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в экономии речевых усилий, в свертывании форм высказывания, а слушающий, напротив, хочет, чтобы все выражаемое говорящим было максимально понятно, и следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего.

4. Информационная функция языка осуществляется с помощью регулярных, повторяющихся, стандартных средств, а экспрессивная, напротив, обеспечивается средствами необычными, нерегулярными, выбивающимися из стандарта; в речевой деятельности человека и в функционировании языка две эти тенденции постоянно сталкиваются, конкурируют.

Мысль о связи развития языка с развитием общества давно стала в лингвистике общим местом, своего рода аксиомой. В большинстве работ прошлого эта мысль так или иначе *иллюстрировалась* материалом, характеризовавшим развитие конкретных языков. Иначе говоря, "общее место", аксиома подкреплялись некоторым набором фактов. Однако никакой социально ориентированной **теории** языковой эволюции при этом не возникало: описание конкретных изменений, даже "привязанное" к определенным социальным сдвигам, сохраняло фактографичность, атомарность.

Рассмотрение же тех изменений, которые пережил русский язык в XX в., с точки зрения антиномий позволило не только найти общие тенденции и закономерности в эволюции разных участков языковой системы - в фонетике, лексике, грамматике, - но и показать обусловленность действия антиномий определенными социальными факторами и зависимость этого действия от характера социальной среды говорящих. Например, демократизация состава носителей литературного русского языка после революции 1917 г. вела к расшатыванию традиционной нормы, и тем самым антиномия системы и нормы разрешалась в пользу системы: в литературном употреблении появилась масса того, что система "разрешает", а норма запрещает (ср., например, формы двувидовых глаголов, появляющиеся в результате так называемой имперфективации: *организовывать, атаковать, мобилизовывать* и подобные: некоторые из этих форм сейчас вполне нормативны; см. об этом [Русский... 1968, кн. 3, § 68]).

Антиномия кода и текста разрешается в пользу кода (он увеличивается) в **социально замкнутых** коллективах, говорящих и в пользу текста - в **"текучих", социально неоднородных коллективах**. И это понятно: социально или профессионально замкнутый коллектив говорящих может "позволить" себе, например, разветвленный и детализированный словарь (как это имеет место в специальных терминологиях и в профессиональных и социальных жаргонах). А в социально неоднородных, текучих человеческих сообществах выработка подобного словаря невозможна: представителям таких сообществ легче объясниться друг с другом, применяя описательные номинации (то есть удлиняя текст в ущерб коду), а не однословные термины, которые многим просто неизвестны.

Эта же антиномия (кода и текста) при одних условиях, характеризующих развитие общества на том или ином этапе, разрешается в пользу кода: он увеличивается (напри-

² Под этими терминами в лингвистике принято иметь в виду и участников устного диалога, и пишущих или воспринимающих письменный текст. В другой терминологии это отправитель (адресант) и получатель (адресат) речи.

мер, словарь может увеличиваться путем массовых заимствований из других языков, как это происходит в нашем языке сейчас), а при других условиях - сокращается, как это было, например, в конце 40-х гг. XX в., когда не только не принимались новые заимствования, но и вытеснялись из употребления старые, давно адаптировавшиеся в русском языке (подробнее об этом см. [Крысин, 2004⁶, с. 139 - 142])³.

При разработке теории антиномий Панов подверг анализу и сами социальные факторы, которые могут влиять на язык. Одни из них он назвал **лингвистически значимыми**, то есть такими, которые могут оказывать влияние на языковую эволюцию, другие - лингвистически незначимыми. Среди лингвистически значимых он выделял факторы *глобальные* и *частные*. Глобальные факторы воздействуют на все уровни языковой структуры, а частные в той или иной мере обуславливают изменения лишь на некоторых уровнях [Русский... 1968, кн. 1, с. 34 - 35].

Примером **глобального** социального фактора является изменение состава носителей языка. Так, изменение состава носителей русского литературного языка после революции повлекло за собой изменения в произношении - в сторону его буквализации, приближения к письменному облику слова: *булоЧНая*, *смеялСЯ*, *тиХИй*, а не *булоШНая*, *смеялСА*, *тиХЫй*, как в старомосковской произносительной норме. В лексике литературного языка появилось много так называемых "внутренних" заимствований - из диалектов и просторечия (например, слова *учеба*, *неполадки*, *напарник*, *глухомань*, *нехватка* пришли в литературное употребление именно оттуда). В синтаксисе получили распространение конструкции диалектного, просторечного и профессионально ограниченного характера, и мы сейчас почти не ощущаем их нетрадиционности для литературного языка: *ходили по грибы*, *плохо с кадрами*, *испытание на выносливость*, *радиовещание на зарубежные страны* и т.п. В морфологии значительно увеличилась частотность форм, которые раньше оценивались нормой как просторечные или профессионально ограниченные (ср., например, частотность форм с ударными флексиями во множественном числе существительных мужского рода - типа *прожекторА*, *прожекторОв...*; *слесарЯ*, *слесарЕй...* и т.п.; о социальном распределении подобных форм см. в работе, начатой по инициативе и при идейной поддержке Панова [Русский... 1974]).

Пример **частного** социального фактора - изменение традиций усвоения литературного языка (раньше, в XIX - начале XX в., - устная, семейная традиция, в новых условиях - книжная, через книгу, через учебник). Этот фактор повлиял главным образом на произношение: наряду с традиционными орфоэпическими образцами получают распространение новые образцы, более близкие к орфографическому облику слова.

Согласно Панову, воздействие и глобальных, и частных социальных факторов на язык не может быть **деструктивным**, разрушающим языковую систему. Иначе говоря, социальное воздействие может ускорять или замедлять языковые изменения (тезис, сформулированный еще Поливановым), но не может их отменить или "упразднить". Если бы общество могло воздействовать на язык деструктивно, то оно поступало бы против своих интересов, так как в этом случае язык не мог бы выполнять свою основную функцию - быть средством коммуникации.

Надо сказать, что, отдав много сил и времени изучению **развития** русского языка в XX в., Михаил Викторович по своим лингвистическим интересам и склонностям оставался синхронистом: он любил рассматривать языковые факты не в их эволюции, а в их **отношениях** друг с другом. И даже в работе "Русский язык и советское общество", по существу посвященной истории языка (хотя и микроистории), сказались его "синхроническая" натура: он предложил эволюцию русского языка анализировать по определенным **синхронным срезам**, что дает возможность сравнивать разные этапы языковой эволюции.

³ В этой статье нет возможности рассматривать другие антиномии и их действие на разных этапах развития языка; желающих получить о них более детальную информацию отсылаю к первому тому [Русский... 1968].

Основные же идеи Панова-синхрониста, касающиеся социальной обусловленности языка, нашли выражение в его концепции *массового обследования* русской речи. Одни из идей, образующих эту концепцию, касаются социально обусловленных подсистем современного русского языка, другие воплотились в предложенных и разработанных Пановым приемах и методах обследования говорящих и их речевой практики. Так, он первым высказал гипотезу о существовании особого разговорного языка, о его самодостаточности - первоначально на материале наблюдений над разговорным синтаксисом (см. [Русский... 1962, с. 77, 97]). Эта гипотеза, выраженная Пановым в заостренной, категорической форме, многим лингвистам казалась маловероятной, но затем она нашла полное и убедительное подтверждение в цикле работ по разговорной речи, выполненных под руководством Е. Земской [Земская, 1968; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Русская... 1973; 1978; 1983].

Работы Панова и его последователей по разговорной речи опираются на *массовый* материал. Это важно по крайней мере в двух отношениях: во-первых, только такой материал может дать надежные, объективные результаты; во-вторых, массовость наблюдений дает возможность выявить социальные различия в реализации разговорного языка. Такие различия особенно заметны в произношении. При этом они "многоплановы", то есть зависят от разных характеристик носителей литературного языка, разных социальных условий его существования.

Вот как писал об этом Михаил Викторович в одной из своих статей: "Нормы литературного произношения в современном русском языке в значительной степени вариативны. Желательны эти варианты или нет, они должны быть изучены.

Существуют территориальные разновидности литературного произношения: московская, ленинградская, южнорусская, средневолжская и т.д. Особо надо отметить разновидности литературного произношения, возникающие в условиях двуязычия: на Украине, в Грузии, Литве, Татарии и т.д., а также в некоторых странах за пределами Советского Союза.

В каждой такой локальной разновидности литературного языка существуют различия в произношении между поколениями и между социальными группами.

Существуют вместе с тем и внетерриториальные разновидности литературной речи: это сценическая и радиоречь. В действительности они внетерриториальны только в идеале; реально различаются нормы в разных театрах и внутри театров - у разных поколений.

Наконец, каждая из этих разновидностей должна быть изучена в ее стилистических вариантах.

Существенны лишь типические черты каждой из этих разновидностей произношения; следовательно, необходимо массовое фонетическое обследование" [Панов, 1966, с. 173].

Необходимость массового обследования говорящих и была первоначально обоснована применительно к изучению *литературного произношения*. С этой целью Панов составил "Вопросник по современному русскому литературному произношению" (1959 и 1960 г.), который замечателен в нескольких отношениях.

Во-первых, его применение и получение с его помощью социофонетического материала опровергло бытующее среди лингвистов высокомерное мнение об анкетном методе изучения произношения как о "бумажной фонетике": методика составления "Вопросника", искусно сформулированные перекрестные и контрольные вопросы и многое другое позволили получить данные, которые дают возможность судить о *реальной* картине современного русского литературного произношения. Во-вторых, с помощью "Вопросника" было обследовано несколько тысяч информантов и тем самым получен *массовый* материал, что ослабило действие факторов случайности и субъективности. В-третьих, предваряющая "Вопросник" социологическая анкета, содержащая лингвистически значимые характеристики информантов, обеспечивает возможность проследить и выразить *количественно* целый ряд зависимостей между произносительными навыками информантов и их социальными параметрами. В-четвертых, "Вопросник" хо-

рош как инструмент *повторных* массовых обследований. Например, для выяснения динамики социофонетических процессов, тех изменений, которые претерпевает произносительная норма во времени, можно распространить вопросник среди информантов, имеющих те же (или близкие) социальные характеристики, что и в первом обследовании. При обычных слуховых наблюдениях это условие трудновыполнимо.

Примечательна перекличка идей и методов социофонетических исследований Панова с идеями и методами одного из основателей американской социолингвистики У. Лабова, которые разрабатывались примерно в те же годы: первая социофонетическая статья Лабова была опубликована в 1964 г. [Labov, 1964]. И у Панова, и у Лабова - ясное понимание **вариативности** как естественного свойства языка, четкая ориентация на языковую реальность во всех ее социальных, возрастных, территориальных и прочих ипостасях, последовательно выраженное стремление количественно измерить наблюдаемые произносительные различия; наконец, для обоих ученых характерна изобретательность в методике социофонетического обследования носителей языка (правда, у Лабова уже в начале 1960-х гг. были более совершенные технические средства изучения живой речи, включая видеотехнику, а у нас в то время еще и портативных магнитофонов не было).

Одна из характерных черт Панова как социолога языка - его приверженность произносительному факту. Эта черта только внешне кажется противоречащей известной любви Михаила Викторовича к "геометризму" теоретических построений. В действительности тщательное изучение фактического состояния произносительной нормы на том или ином синхронном срезе языка укрепляет фонетическую теорию, способствует ее геометризму.

Само понятие нормы было для Панова неразрывно связано с ее носителями. Отсюда - важная роль *фонетических портретов* - описаний произносительных навыков и привычек тех или иных людей как представителей определенной социальной среды. В 1970 г. Панов закончил большое исследование "История русского литературного произношения XVIII-XX веков". Это удивительная работа. Из нее мы можем узнать, как люди, жившие более чем два столетия тому назад, например Петр I или А. Сумароков, - *говорили* по-русски, то есть каково было их произношение. Ведь никаких технических средств (например, магнитофонов), которые позволили бы сохранить особенности их устной речи, в ту пору, естественно, не было. Но Панов смог по крупницам - дневниковым записям, письмам, клочкам случайных записок, чудом сохранившихся в архивах, по высказываниям деятелей прошлого и многому другому - восстановить речь наших предков. Книга пролежала неизданной (не по вине ее - опального в ту пору - автора) двадцать лет и была напечатана, да и то усилиями учеников Михаила Викторовича, только в 1990 г. [Панов, 1990].

В этой монографии не только теоретически обосновано само понятие фонетического портрета, но и даны многочисленные образцы таких портретов - от наших современников до деятелей XVIII в. При этом автор придерживался декларированного в начале работы правила, согласно которому **индивидуальный** по своему характеру портрет должен отражать черты определенного поколения, того или иного социального слоя, той или иной культурной традиции - театральной, поэтической, бытовой и т.д., нередко локально или профессионально ограниченной (ср. противопоставление московской и петербургской произносительных традиций, особую роль Малого театра как непрерываемого речевого авторитета в конце XIX - первой половине XX в., и т.п.).

Идея фонетического портрета и ее воплощение в ряде блестящих портретных описаний, данных в книге Панова, чрезвычайно важны и плодотворны для социолингвистики. Расширяя перечень составляющих портрет характерных признаков путем привлечения морфологических, синтаксических, лексических черт, особенностей стилистического использования единиц разных уровней языка, а также свойств коммуникативного поведения человека, можно создавать уже не фонетические, а *социолингвистические* портреты (см. об этом, в частности, [Крысин, 2001; 2004^a]).

В заключение надо сказать, что идеи Панова недостаточно оценены в современной социалингвистике. Они признаны и развиваются прежде всего в науке о русском языке, в исследованиях по современной русской фонетике, по разговорной речи. Но несомненно, что они имеют и более широкое теоретическое значение, так как указывают перспективные и плодотворные пути изучения языка (не только русского) под социальным углом зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Земская Е. Л. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Крысин Л. П. Можно ли по речи узнать интеллигента? // Общественные науки и современность. 2004^а. N 5.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социалингвистике. М., 2004^б.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. N 1.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 1990.

Панов М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // Вопросы языкознания. 1963. N 1.

Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания. 1962. N 3.

Панов М. В. О тексте для фонетической записи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

Русская разговорная речь. М., 1973.

Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1 - 4. М., 1968.

Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.

Labov W. Phonological Correlates of Social Stratification // American Anthropologist. 1964. Vol. 66. N 6. Part 2.